

К ВОПРОСУ О КРИМИНАЛИЗАЦИИ СФЕРЫ БАНКРОТСТВА В РОССИИ (ПО ИТОГАМ ПЕРВЫХ 20 ЛЕТ XX ВЕКА)

Белова Светлана Леонидовна
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина»
аспирант, Тамбов

Расцветаева Оксана Анатольевна
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина»
аспирант, Тамбов

Чапурко Татьяна Михайловна
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
университет им. Г.Р. Державина»
профессор, Тамбов

TO THE QUESTION OF CRIMINALIZATION OF THE SPHERE OF BANKRUPTCY IN RUSSIA (BASED ON THE RESULTS OF THE FIRST 20 YEARS OF THE 20TH CENTURY)

Аннотация. Вопросы криминологического анализа авторы приводят в качестве социолого-правового научного исследования и ставят перед собой задачи по выявлению отдельных (типовых) преступных схем и криминальных явлений (процессов) широко распространившихся в обществе и, в частности, в сфере банкротства за последние 20 лет.

Objectives. The criminological analysis in this article is inherently a sociological and legal scientific study and sets itself the task of identifying individual (typical) criminal schemes and criminal phenomena (processes) widespread in society and, in particular, in the field of bankruptcy over the past 20 years.

Ключевые слова: криминальное банкротство, криминализация экономики, эволюция организованной преступности, социальный регресс, криминальные схемы в банкротстве, криминология

Keywords: criminal bankruptcy, criminalization of the economy, evolution of organized crime, social regression, criminal schemes in bankruptcy, criminology

Сфера банкротства поражена типичными патологическими процессами, как и вся сфера экономических отношений в современной России, о криминализации которой проведено не мало научных исследований и опубликовано статей. В настоящей статье используется понятие *криминализации*, достаточно емко раскрытое Клеймёновым И.М., предлагающим понимать это явление как процесс проникновения преступности в ткань общественных отношений, а в более конкретном смысле как социально регрессивный эволюционный процесс, организуемый криминальными образованиями нового типа (ИДМ-преступностью), реализуемый противоправными средствами, создающими множество глобальных угроз и угроз национальной безопасности, нацеленный на получение сверхприбыли [1, с. 200-207]. Как видно из данного понятия, это управляемый процесс и значит, есть акторы.

Профессор А.С. Овчинский в своих трудах обосновывает концепт интрузивно-деструктивно-мимикрийной (ИДМ) преступности, которую представляет актором криминализационного процесса и новым объектом криминологических исследований. Новый вид субъекта процесса криминализации принципиально отличается от классической организованной преступности, во-первых, тем, что является в определенной мере порождением системы сложившихся в обществе правовых, экономических и политических отношений, включая распределение властных и управленческих полномочий, как в высших эшелонах власти, так и во властных структурах всех уровней, во-вторых, используя властные и управленческие полномочия, создает такие экономические и политические отношения в обществе, которые способствуют увеличению и совершенствованию механизмов криминального обогащения, в-третьих, использует подчиненную информационную среду для внедрения механизмов непризнания общественно опасной деятельности преступной, в-четвертых, в отличие от классического типа, который занимается запрещенными видами деятельности, новый тип ИДМ-преступности создает правовые и экономические условия для получения сверхприбыли, уклоняясь от ответственности, в-пятых, в отличие от теневой экономики, которая создает товары и предоставляет услуги, новый тип преступности фактически занимается хищением бюджетных средств и средств внебюджетных фондов, в-шестых, извлекает сверхприбыль путем разрушения реального сектора экономики, в-седьмых, новый вид преступности эффективно использует инструментарий уголовно-правовой декриминализации и целенаправленных амнистии [2, с.75-77].

Номоконов В.А. еще в 2012 году писал, что отечественная политика «декриминализации» превращается в свою противоположность, во-первых, потому что государственное воздействие на преступность совершенно

неадекватно складывающейся криминальной ситуации, ссылается на статистику соотношения количества сообщений и заявлений о преступлениях к количеству зарегистрированных преступлений и к количеству возбужденных дел от общего числа сообщений и зарегистрированных заявлений (на 2011 г. сообщений о преступлении 24,6 млн., из них зарегистрированных заявлений – 2,4 млн., доля возбужденных дел из общего количества сообщений и заявлений о преступлениях – 8%). При этом автор выявил парадоксальную картину, где при ежегодном росте сообщений о преступлениях выявлено упорное снижение правоохранительными органами числа зарегистрированных преступлений, а также снижение доли возбужденных уголовных дел. Во-вторых, как уголовная политика, так и уголовное законодательство, и до наших дней лоббируются коррумпированными чиновниками, поскольку изменения в Уголовный кодекс РФ как на 2012 год, так и в последние годы вызывают всё большее недоумение учёных и практиков.

В качестве примеров Номоконов В.А. приводит произошедшую в 2003 году отмену конфискации как меры наказания, и допустимость условного осуждения при назначении наказания в виде лишения свободы на длительные сроки (чему нет аналогов в мировой практике). Это и более поздняя отмена нижних пределов санкций во многих статьях Уголовного кодекса РФ и др. Это, наконец, и декриминализация товарной контрабанды в декабре 2011 года, наделение судов правом самостоятельно (нонсенс!) определять категорию преступления (ч. 6 ст. 15 УК РФ) и т.д. Также приводятся примеры не только коррумпированности ряда норм Уголовного кодекса РФ, но и об их общей криминогенности [3, с. 48-57].

Петербургские криминологи все чаще обращают внимание на криминальную практику борьбы с преступностью, когда государство в лице сотрудников правоохранительных органов всё чаще втягивается в разнообразные схемы преступного поведения - рейдерские захваты, в том числе через криминальное банкротство и мошеннические схемы, «крышевание» незаконной деятельности, фабрикация уголовных дел и т.п. [4, с. 16].

В 2010 году председатель Конституционного суда РФ Зорькин В.Д. указывает на реальную угрозу конституционному строю в виду сращивания власти и криминала по модели, которую сейчас называют [«кущевской»](#), что уже перестает быть явлением уникальным и в случае завершения процесса оформления такой патологии в полной мере, наше государство перестанет быть криминализованным и станет криминальным [5].

Одним из примеров такого процесса может быть факт не увольнения и уголовного наказания, а всего лишь понижение в должности и очередное назначение экс-прокурора Кущевского района Краснодарского края на очередную прокурорскую должность в Краснодарском крае при том, что в ходе расследования «кущевского» беспредела следственными органами были выявлены факты явного покровительства преступников со стороны правоохранительных органов и органов прокуратуры. В стране создана «исполнительная вертикаль» или «управляемая демократия». Коррупция и отсутствие верховенства закона делает режимы преступными.

Аналогичные выводы содержатся в исследованиях Г.П. Харчилавы, который делает вывод о возникновении новой социально-экономической реальности, заключающейся в формировании устойчиво воспроизводящейся системы высоко-криминализованных отношений [6, с. 3].

А.В. Галинин выделяет институт экономической преступности. Формулируя его как постоянно воспроизводящиеся деструктивные неформальные отношения и оппортунистические действия институциональных акторов, направленные на реализацию собственных интересов, связанные с нарушением установленных государством правил и норм [7, с. 5, 9].

Л.М. Тимофеев и И.М. Клямкин говорят о «формировании теневого порядка, существующего параллельно официальному и во многом вопреки ему...» [8, с. 595]. Зафиксирован также преобладающий тип сознания - морально-репрессивный, что может стать ограничителем экономико-правовых стратегий борьбы с «тенью». Но, предлагаемые в данном труде либеральные рецепты решений, авторами данной статьи не поддерживаются.

В западной традиции, которая утвердилась и в российской науке, под неформальной (теневой) экономикой понимают агрегированный феномен как противоправных, так и внеправовых хозяйственных трансакций во всем их разнообразии, включая «блат», «телефонное право» и коррупцию.

Для криминологического исследования сферы банкротства важно понимать, что главной приметой современной России определяется то, что всякая демаркация между теневой и легальной деятельностью в ней условна. И по мнению авторов, криминальное банкротство – это один из секторов теневой экономики, однако же Орлова Л.А. относит его к специфическому виду мошенничества, завуалированному под гражданское правонарушение [9, с. 167-171].

Перечисленные социально-экономические патологии стали неотъемлемой частью криминогенных явлений в сфере банкротства. За последние 20 лет произошел тотальный уход «в тень» многих социальных явлений, включая сферу банкротства, появилось «теневое» государство, «теневое» право, «теневая» юстиция и т.п., играющие по своим - неформальным, но жестким – правилам. Как заключил Номоконов В.А., именно эти теневые процессы продолжают разрушение российской государственности. Официальная статистика все меньше отражает криминальные реалии, а преступность не только виртуализируется за счет применения высоких технологий, но и в целом становится все более скрытой, латентной. Сегодня коррупция – одна из главных угроз национальной безопасности и ее источник находится в сложившейся политической системе [3].

А.И. Долгова пишет о серьезном расколе на «легальное» и альтернативное «теневое» общество, о наличии не только теневой власти, экономики и права, но и теневой идеологии, теневых социальных сил [10, с. 3], в чем и заключается ущербность социума и проблематика эффективной борьбы с преступностью.

Только всесторонняя и системная декриминализация общества способна обеспечить эффективную борьбу с преступностью и привести к гармонизации общества, устойчивому и сбалансированному социально-экономическому развитию, обеспечению высокого уровня жизни населения и социальной консолидации и, конечно, требуется формирование и реализация адекватной правовой политики. Приоритетным является для государства определение системы высших ценностей, определение идеологии на основе высших ценностей и выстраивание всех систем государства и общества в соответствии с этими ценностями. Исторически сложившийся в нашей стране антагонизм к понятию *государственной идеологии* уже утратил свою исключительно эмоциональную окраску. США и европейские государства имеют четко сформулированные принципы своего существования и развития, а слепой страх снова оказаться под гнетом какой бы то ни было идеологии, а также безнравственные социал-дарвинистские настроения, в результате привели к четко устоявшейся теневой потребительской идеологии в России, противопоставленной эффективной системной борьбе с преступностью.

Масштабное измерение динамики психологических характеристик населения страны за период с 1981 по 2011 годы, проведенное Институтом психологии РАН, показало существенную нравственную деградацию общественного сознания, выразившуюся в массовом росте агрессивности, алчности, враждебности, беспринципности и т.д. [11, с. 424].

В современной криминологии активно обсуждаются вопросы и предложения концепта нравственного государства и нравственной личности [12, с. 29-38], поскольку только нравственное государство заботиться о формировании духовно-нравственного облика граждан, осознающих приоритет духовного начала в стратегии своей личной судьбы – это единственный облик позитивной криминологии будущего. Сложно не согласиться с постановкой проблемы «нравственного государства», сформулированной авторами книги «Нравственное государство. От теории к проекту» [11], как правило, правильно поставленный вопрос уже содержит половину ответа. Эта тема однозначно требует дискуссии.

Список литературы:

1. Клеймёнов И.М. Криминализация общественных отношений // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3(36).
2. Овчинский А.С. Информационное воздействие и организованная преступность. – М.: ИНФРА-М, 2007.
3. Номоконов В.А. Преступная «декриминализация» // [Криминология: вчера, сегодня, завтра](#). - НП «Санкт-Петербургский международный криминологический клуб», 2012. №3 (26).
4. Шестаков Д.А. Преступный закон как парадокс криминологии закона // Криминология: вчера, сегодня, завтра. - 2011. № 1 (20).
5. Зорькин В. Конституция против криминала // Российская газета. - 2010. - 10 декабря.
6. Харчилава Г.П. Экономические аспекты криминального бизнеса и возможности его ограничения: автореф. дис. ...канд.эклном.наук. - М., 2003.
7. Галянина А.В. Институты экономической преступности в системе теневой экономики: особенности формирования и направления ограничения: автореф. дис. ...канд.эконом.наук. – Саратов, 2010.
8. Клямкин И.М. и Тимофеев Л.М. Теневая Россия: экономико-социологическое исследование. – М.: РГГУ, 2000.
9. Орлова Л.А. Криминальное банкротство – сектор теневой экономики // Пробелы в российском законодательстве. № 4, 2018.
10. Долгова А.И. Преступность, ее организованность и криминальное общество. – М., 2003.
11. **Нравственное государство. От теории к проекту** // Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилицов М.В., Нетесова М.С., Пономарева Е.Г., Сазонова Е.С., Спиридонова В.И / под общ. ред. С.С. Сулакшина. -М., Наука и политика, 2015.
12. Номоконов В.А., Судакова Т.М. Криминология будущего – позитивная криминология? // Lex Russica. №9 (142) сентябрь 2018.

